

На правах рукописи

Вознесенская Екатерина Иосифовна

**ОБЩИННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЯТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА
В СОВЕТСКОЙ ДОКОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ (1917–1930 гг.)**

07.00.02 – отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Ижевск – 2008

Работа выполнена в Государственном образовательном
учреждении высшего профессионального образования
«Вятский государственный гуманитарный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Бакулин Владимир Иванович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Корниенко Сергей Иванович

кандидат исторических наук, доцент
Дмитриев Павел Николаевич

Ведущее учреждение: ГОУ ВПО «Глазовский
государственный педагогический
институт»

Защита состоится «__» _____ 2009 года в _____ часов на
заседании диссертационного совета ДМ 212.275.01 при ГОУ ВПО
«Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск,
ул. Университетская, 1, корпус 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Удмуртский
государственный университет»

Автореферат разослан «__» _____

Учёный секретарь
диссертационного совета
к.и.н., доцент

Г.Н. Журавлёва

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Крестьянская община в России насчитывает многовековую историю. Она является преемницей первобытной родовой общины¹. Именно она стала той формой организации крестьянства в нашей стране, которая веками обеспечивала выживание как большей части населения, так и всего государства². История общины это во многом отражение истории страны в целом. Именно поэтому её изучение так важно для осмысления всего российского исторического процесса.

Крестьянская община в ходе своей эволюции прошла несколько этапов, последний из них и наименее изученный – это советский период её истории вплоть до ликвидации этого института в ходе сплошной коллективизации деревни.

В последнее десятилетие интерес к истории общины значительно вырос, стали пересматриваться многие выводы, закрепившиеся в советской историографии, но страдавшие схематизмом и определённым упрощением действительности (например, о свободном, естественном развитии общины в постреволюционный период, о постепенном её разрушении и передаче её функций сельсоветам, о «двоевластии» в деревне 20-х гг. и др.), восполняются пробелы в её истории. Однако по-прежнему есть лакуны, заполнить которые необходимо для целостного представления о том, что собой представлял этот социальный институт в последние годы своего существования. Это во многом касается региональных исследований, которые в свою очередь позволяют создать более полную картину как жизни советской доколхозной деревни, так и всего Советского государства.

Актуальность темы усиливается ещё и тем, что, как и тогда, сейчас российское общество находится на переходном этапе своей истории, выбирая оптимальные социальные формы, институты, экономические и политические модели жизнедеятельности. Более того, аграрный вопрос в России это не только прошлое, но и настоящее. В связи с этим особую значимость приобретает исторический опыт, традиции, идущие из глубины веков, нашедшие отражение в менталитете и национальном характере русского народа.

Объектом исследования является крестьянская община Вятской губернии в контексте социально-экономической, политической и культурной трансформации постреволюционной советской деревни.

В качестве **предмета** выступают эволюция вятской общины, происходившие в ней процессы и её связи с окружающим миром в конкретный исторический период.

Территориальные рамки исследования ограничены преимущественно Вятской губернией в границах, сложившихся после территориального

¹ Данилова Л.В., Данилов В.П. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: Проблемы типологии. – М., 1978. – С.15.

² См.: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М., 1998. – С.399-400, 417-418 и др.

размежевания с Вотской АО, Татарской и Марийской АССР и Пермской губернией в 1920 г. После утверждения ВЦИК РСФСР новых границ губернии в её составе остались 8 уездов (Вятский, Котельничский, Малмыжский, Нолинский, Орловский, Слободской, Уржумский, Яранский) и было образовано ещё 2 (Омутнинский и Советский). Это была территория с более или менее однородным национальным составом (93,5% – русские), подавляющим большинством сельского населения (более 96%), незначительным уровнем урбанизации и развития промышленности. Поэтому изучение истории вятской крестьянской общины представляется важным для характеристики и выявления тенденций в развитии как данного региона, так и феномена русской общины в целом.

Хронологические рамки охватывают заключительный этап функционирования в российской деревне крестьянской общины – 1917–1930 гг. Начало периода – отправной пункт истории советского общества и вместе с тем важнейшая веха истории крестьянства России, реализовывавшего в ходе революции 1917 г. свои представления о справедливом общественном устройстве. Конечная дата выбрана в связи с юридическим упразднением земельного общества как легального института и началом фактической ликвидации крестьянской общины в ходе массовой коллективизации. Внутри периода выделяется ряд этапов, отличающихся, прежде всего, характером взаимоотношений крестьянского «мира» и советского государства.

Степень изученности темы.

На протяжении длительного времени история советского доколхозного крестьянства является одним из приоритетных направлений отечественной аграрной истории. В изучении вопроса можно выделить ряд этапов, в целом совпадающих с периодами развития новейшей отечественной историографии: 1) с 1917 до конца 1920-х гг., 2) 1930-е – середина 1950-х гг., 3) с середины 1950-х до середины 1980-х гг. и 4) с середины 1980-х гг. до сегодняшнего дня.

Первые работы по истории общины послереволюционного времени появились в 1920-е гг. Их авторы П.Н. Першин, В. Келлер, И. Романенко, М. Резунов, А. Лужин, Н.И. Козлов и другие, изучали роль общины в аграрной революции, правовые аспекты её деятельности, особенности и недостатки общинной формы землепользования и пути её развития, отдельные стороны взаимоотношений общины и низовых Советов³.

³ См.: Дембо Л.И. Крестьянский двор и земельное общество. – Л., 1926; Дубровский С.М. Очерки русской революции. Вып. 1. – М., 1923; Келлер В., Романенко И. Первые итоги аграрной реформы: Опыт исследования результатов современного землеустройства на примере Задонского уезда Воронежской губернии. – Воронеж, 1922; Киндеев К.Я. Вопросы землеустройства. – М., 1925; Козлов Н.И. О земельном обществе. – М.–Л., 1926; Лужин А., Резунов М. Низовой советский аппарат (сельсовет и волисполком) – М., 1929; Огановский Н. Община и земельное товарищество // О земле: Сборник статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. Вып. 1. – М., 1921. – С.79-91; Першин П.Н. Первые итоги аграрной реформы: Вступительная статья // Келлер В., Романенко И. Указ. соч. – С.3-18; Резунов М. Сельские Советы и земельные общества. – М., 1928 и др.

Особенностью данных работ было то, что их авторы законодательные нормы нередко принимали за нормы действительности.

Нередко вопросы, связанные с общинным землепользованием и его развитием, мирским самоуправлением и его отношением с советскими органами власти находили отражение в работах, написанных по итогам обследований жизни деревни в 1920-е гг., каковых немало проводилось в то время⁴.

Основные историографические итоги данного периода таковы. Во-первых, был сделан вывод о послереволюционном укреплении общины. Во-вторых, – о её важнейшей роли в ходе аграрной революции. В-третьих, отмечены новые моменты в её жизни, а именно: утрата после 1917 г. общиной своего сословного характера и превращение в добровольное объединение крестьянских дворов с целью совместного пользования землёй, а также отсутствие у земельных обществ административных и фискальных функций. Вместе с тем основательных исторических трудов по общинной проблематике в первый период создано не было.

В 1930 – середине 1950-х гг. община практически не изучалась. Интерес учёных к проблеме вновь проявился в конце 1950-х гг., в связи с публикацией нескольких исследований В.П. Данилова, С.П. Трапезникова и ряда других учёных-аграрников⁵. В работах этих авторов вновь была озвучена мысль о важной роли общины в процессе уравнительного перераспределения земли в ходе аграрной революции, и был поднят вопрос о судьбе общины в годы коллективизации.

В 1960-е гг. разгорелась дискуссия по поводу места общины в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. Сложилось две точки зрения. Одну олицетворял С.П. Трапезников, по мнению которого в России произошло перерастание общины в социалистическую форму земледелия⁶. Иная точка зрения была высказана В.П. Даниловым, который полагал, что крестьянская община не соответствовала задачам социалистической реконструкции сельского хозяйства, и соответственно не стала переходной ступенью к колхозу, а была уничтожена вместе с остальными формами единоличного землепользования в ходе коллективизации⁷.

⁴ См., например: Большаков А.М. Деревня 1917–1927. – М., 1927; Гагарин А. Хозяйство, жизнь и настроения деревни. – М.–Л., 1925; Феноменов М.Я. Современная деревня: Опыт краеведческого обследования одной деревни. В 2 ч. – Л.–М., 1925; Яковлев Я. Деревня как она есть. – М., 1923 и др.

⁵ Данилов В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне // История СССР. – 1958. – № 3. – С. 90-128; Луцкий Е.А. О сущности уравнительного землепользования в Советской России // Вопросы истории. – 1956. – № 9. – С. 59-71; Трапезников С.П. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. – М., 1959; Шарапов Г.В. К вопросу о сущности уравнительного землепользования в Советской России // Вопросы истории. – 1957. – № 3. – С.113-119.

⁶ См.: Трапезников С.П. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства; его же. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. – М., 1965.

⁷ См.: Данилов В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне; он же. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства // Проблемы аграрной истории советского общества. – М., 1971. – С.212-253.

Более активно общинная проблематика стала исследоваться в 1970-е гг.⁸ В это время историки отказались от узкой трактовки общины лишь как поземельной организации. Она начала признаваться универсальным социальным институтом, соединявшим в себе социально-экономическую организацию, организацию местного самоуправления и единое культурно-бытовое пространство.

Особый вклад в разработку проблем развития крестьянской общины послереволюционного периода внесли работы В.П. Данилова, написанные в 1970-е гг.⁹ В них довольно подробно рассмотрению были подвергнуты политика государства в отношении общины, правовые аспекты её хозяйственной и управленческой деятельности, показаны черты сходства и различия земельного общества и дореволюционного крестьянского «мира», проанализирована деятельность общины в условиях подготовки к проведению массовой коллективизации и её ликвидация. Но всё же и теперь основное внимание учёного-аграрника было сосредоточено на изучении системы земельных отношений, землепользования и землеустройства в послереволюционной деревне.

Это же характерно и для первой в советской историографии монографии по истории общины В.Я. Осокиной «Социалистическое строительство в деревне и община. 1920–1933» (М., 1978), написанной на материалах Сибири. Рассматривая такие вопросы, как влияние советского землеустройства на эволюцию общинного землепользования, условия и особенности протекания процесса классового расслоения в общине, взаимоотношения общины и Советов в канун коллективизации, участие общинного крестьянства в хозяйственно-политических кампаниях 1920-х гг., В.Я. Осокина пришла к выводу о естественном разрушении общины и о передаче её функций сельсоветам.

Немалый вклад в историографию проблем жизнедеятельности общины в послеоктябрьский период внесли работы В.В. Кабанова¹⁰. В них изучались вопросы демократизации общины, влияния мирского уклада деревни на становление системы местных Советов, взаимоотношений общины и комбедов, общины и кооперативных объединений, её участия в уравнительном перераспределении земли и сборе налогов, а также изменение

⁸ См.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1971 г. – Вильнюс, 1974; Ежегодник по аграрной истории. Вып. VI. Проблемы истории русской общины. – Вологда, 1976; Тезисы докладов и сообщений XII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вып. 1. – М., 1970; То же ... XIII сессии. – М., 1971; То же... XIV сессии. Вып. II. – М., 1972 и др.

⁹ Данилов В.П. Источниковедческие и археографические проблемы истории русской общины после Октябрьской революции // Археография и источниковедение. Северный археографический сборник. Вып. IV. – Сыктывкар, 1977; он же. К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России // Проблемы социально-экономической истории России. – М., 1971. – С. 341-359; он же. Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Вып. VI. – С. 102-134; он же. Община у народов СССР в послеоктябрьский период: К вопросу о типологии общины на территории советских республик // Народы Азии и Африки. – 1973. – № 3. – С. 42-54; он же. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М., 1977; он же Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. – М., 1979 и др.

¹⁰ Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. Т. 111. – М., 1984. – С. 100-150; Он же. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». – М., 1988.

её функций. В.В. Кабанов, подобно В.П. Данилову, пришёл к заключению, что община не была приспособлена к решению задач социалистического преобразования деревни¹¹.

На том же этапе развития советской историографии отдельные, как правило, небольшие по объёму работы, посвящались и более узким проблемам таким, как роль общины в политической жизни деревни накануне коллективизации¹², земельные общества и сельсоветы¹³. В целом в советской историографии относительно устоялись в качестве общепринятых следующие положения:

- после 1917 г. произошло оживление общины, которая сыграла важнейшую роль в аграрной революции 1917–1920 гг.;
- отношение к мирской организации крестьянства советского государства, вынужденного считаться с её наличием и функционированием, было неоднозначным;
- к началу 1920-х гг. в деревне сложилось «двоевластие», затем имел место постепенный переход функций общины к сельсоветам.

Вместе с тем, степень изученности целого ряда проблем оставляла желать лучшего. Лишь в самом общем виде рассматривались эволюция структуры общинной организации, её органов управления, функций, специфика взаимоотношений общины и органов советской власти на региональном уровне, изменения в организации сельской взаимопомощи, модернизация общинного хозяйства. Главное внимание уделялось общинному землепользованию и землеустройству.

В конце 1950-х – 1970-е гг. появились первые работы кировских историков (Е.И. Кирюхина, В.Ф. Суходоев и др.). Их внимание было сконцентрировано на отдельных проблемах аграрного развития региона¹⁴. Община в них или упоминается вскользь, или вовсе не упоминается. Проявления активности общинной организации вятского крестьянства в социально-экономической и политической сферах в революционные 1917–1918 гг. нашли отражение в работах А.С. Быстровой и Э.Д. Поповой¹⁵. В местных исторических исследованиях общине стали уделять больше внимания только в 1980-е. Роль традиционного общинного самоуправления в контексте проблемы советского строительства в вятской деревне в первый

¹¹ Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община. – С.104, 143-144.

¹² Иванов Е.П. Политическая жизнь деревни и община накануне коллективизации (1926–1929 гг.) // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР. – Уфа, 1984. – С.115-123.

¹³ Широков М.М. Сельские Советы и крестьянские земельные общества в 1927–1929 гг. // Из истории борьбы Коммунистической партии за победу буржуазно-демократической и социалистической революции и построения социализма в СССР. – М., 1968. – С.262-271.

¹⁴ См.: Кирюхина Е.И. Подготовка массовой коллективизации сельского хозяйства в Нижегородском крае в 1928–1929 гг. // Учёные записки Кировского госпединститута. Вып.28. Т.2. – Киров, 1966. – С.3-112; Очерки истории Кировской области. – Киров, 1972; Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч.2. 1918-1968. – Горький, 1969; Суходоев В.Ф. Борьба трудящихся Вятской губернии за восстановление народного хозяйства в условиях перехода Советского государства к новой экономической политике (1921–1922 гг.) // Учёные записки Кировского госпединститута. Вып. 21. – Киров, 1971. – С.58-150 и др.

¹⁵ Быстрова А.С. Комитеты бедноты в Вятской губернии. – Киров, 1956; Попова Э.Д. Крестьянские комитеты Вятской губернии в 1917 г. – Киров, 1966.

послеоктябрьский год отметил в своей диссертационной работе Е.П. Титков¹⁶.

С конца 1980-х гг. заметен рост внимания исследователей к общинной проблематике, особенно в связи с активным внедрением в отечественную науку новых методологических подходов. Община становится предметом оживлённого обсуждения на международных конференциях и семинарах историков¹⁷. Вопросы, связанные с её функционированием, находят отражение не только в работах по общим проблемам истории советского общества, нэпа¹⁸, крестьянства и его организаций¹⁹, но и в специальных трудах.

Среди них можно выделить монографию В.В. Кабанова «Крестьянская община и кооперация России XX века» (М., 1997), в которой автор обозначил принципиальные различия между крестьянской общиной и кооперацией, подчёркивая невозможность трансформации первой во вторую. В то же время он делал акцент на том, что именно община, а не кооперация позволила советскому руководству провести коллективизацию.

Отечественная историческая наука по-новому взглянула на роль крестьянской общины в революции 1917 г. В научный оборот был даже введен особый термин «общинная революция», которая рассматривается как попытка крестьянства противостоять разрушению традиционных устоев²⁰. На новом этапе довольно активно разрабатываются следующие проблемы: 1) община и советская власть²¹, взаимоотношения общины с низовыми Советами²²; 2) возможность модернизации общины²³; 3) социально-психологические аспекты деятельности общинного крестьянства в советский

¹⁶ Титков Е.П. Советское строительство в деревне Нижегородской и Вятской губерний в первый год пролетарской диктатуры: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1984.

¹⁷ См.: Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы международной конференции. – М., 1996; Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. – 1992. – №5 – С.3-31; 1993. – №2. – С.2-29; №6. – С.79-110; 1994. – № 2. – С.31-59; №4-5. – С.46-79; 1995. – №3. – С.101-134; №4. – С.3-33; 1996. – №4. – С.129-154; 1997. – №2. – С.139-160; 1998. – №1. – С.118-139; №6. – С.94-132.

¹⁸ См.: Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т.1. – М., 1997; Россия нэповская. – М., 2002 и др.

¹⁹ Андреев В.М. Российское крестьянство: навстречу судьбе. 1917–1921. – Коломна, 1999; Куреньшев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. – М., 2000; Судьбы российского крестьянства. Кн.1. – М., 1995.

²⁰ См.: Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции» // 1917 год в судьбах России и мира: Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1998. – С.131-142; Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. – М., 2006.

²¹ См.: Вронский О.Г. Крестьянство и власть (1900–1923). – Тула, 1993; Еферица Т.В. Крестьянская община и власть (По материалам Мордовии) // Крестьяне и власть: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. – Тамбов, 1995. – С.31-32; Сафонов А.А. Крестьянская община и Советская власть // Крестьяне и власть: Материалы конференции. – М.–Тамбов, 1996. – С.115-131 и др.

²² См.: Кудюкина М.М. Органы управления в деревне: сельсовет и сход. 1926–1929 гг. // Историческое значение нэпа. – М., 1990; Саблин В.А. Земельное общество и сельский Совет на Европейском Севере в 1920-е гг.: характер взаимоотношений // Крестьянство и власть на Европейском Севере России: Материалы научной конференции. – Вологда, 2003. – С.110-117; Стрелкова С.Л. Взаимоотношения сельских Советов и удмуртской общины в 1924–1925 гг. // Актуальные проблемы истории. – Киров, 2001. – С.106-110; Яхшиян О.Ю. Крестьянская община и местные органы власти в русской деревне 20-х годов: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1998 и др.

²³ Лозбенев И.Н. Крестьянская община в годы нэпа // Вопросы истории. – 2005. – №4. – С.112-118.

доколхозный период²⁴; 4) организация крестьянской взаимопомощи и роль в ней сельской общины²⁵. Сходный набор проблем активно исследуется и на региональном уровне²⁶, хотя при этом особо следует отметить историко-этнографические работы по истории общины разных народов России²⁷. В большинстве своём исследователи приходят к мнению о приверженности основной массы крестьян общинным порядкам, об их экономической, психологической привязанности к «мирской» организации.

В целом, в современной историографии можно выделить три тенденции в оценке роли крестьянской общины в событиях 1917 – 1920-х гг. Первая, это признание её негативного влияния на сельское хозяйство, крестьянство и страну в целом, под которым понимается архаизация, натурализация, «одеревнивание», связанные с оживлением «мира» и стремлением общинного крестьянства к уравнительности²⁸.

В противоположность первой, другая тенденция – подчёркивание положительных качеств общины, наличия у неё внутренних потенциалов развития, которые в полной мере не были оценены и использованы в данный период²⁹.

Третий подход присущ преимущественно региональным исследователям, которые стремятся рассматривать общину комплексно, не делая акцент на тех или иных чертах, качествах, стремясь выделить на фоне общей картины местные особенности функционирования общины и причины последних.

Современная историография на уровне Вятского края в плане внимания к проблемам истории общины несколько отстаёт от общероссийских научных тенденций. В ней общинная проблематика чаще находит место в работах местных историков, посвящённых изучению

²⁴ См.: Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. – М., 2000; Миронова Т.П. Нэп и крестьянство (Социально-психологический аспект) // НЭП в контексте исторического развития России XX века. – М., 2001. – С.238-260; Сухова О.А. «Общинная революция» в России: Социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). – Пенза, 2007 и др.

²⁵ См., например: Григорьев В.С. Социальная работа в российской деревне (крестьянская взаимопомощь в первой половине XX в.). – Чебоксары, 1998.

²⁶ Алиева Л.В. Крестьянская поземельная община Северо-Запада России (1906–1930-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Псков, 2004; Еферица Т.В. Крестьянская община на территории Мордовии (60-е гг. XIX века – 30-е годы XX века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1995; Ковалёв Д.В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (по материалам Московской губернии). – М., 2004; Сафонов А.А. Крестьянская община Тамбовской губернии в 1917–1928 гг. (социальные аспекты проблемы): Дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1997 и др.

²⁷ См.: Александров Ю.В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 1998; Мирошкин В.В. Мордовская крестьянская община в первой трети XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2007; Никитина Г.А. Удмуртская община в советский период (1917 – начало 1930-х гг.). – Ижевск, 1998 и др.

²⁸ Жиромская В.Б. После революционных бурь: Население России в середине 20-х годов. – М., 1996. – С.33-34; Левин М. Социальные аспекты гражданской войны в России // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т.1. – С.50-51; Роголина Н.Л. Новая экономическая политика и крестьянство // НЭП: приобретения и потери. – М., 1994. – С.141, 147.

²⁹ См.: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Кн.1. От начала до Великой Победы. – М., 2002. – С.18-24; Кукушкин Ю.С., Тимофеев Н.С. Самоуправление крестьян России (XIX – начало XXI в.). – М., 2004; Лозбенев И.Н. Указ. соч.

дореволюционного периода³⁰. В числе последних работа Е.Г. Костиной, в которой исследуется реализация столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии. Целый раздел в ней освещает тенденции развития вятской сельской общины в начале XX в. При этом автор показывает, что в те годы «мир» сохранял традиционные черты³¹. Что касается авторов, изучающих ранний советский период (М.В. Анучина, Г.Г. Загвоздкин, Н.В. Столбова, В.М. Кашина, И.В. Чемоданов и др.), то их в основном привлекают социально-экономические и отчасти политические аспекты жизни региона³², влияние общины на процессы, протекавшие в деревне, в них почти не показано.

Проблему взаимоотношений низовых Советов и общины, в том числе на материалах Вятской губернии, поднял О.Н. Леконцев, изучая процесс реформирования системы Советов в 1921–1927 гг. Автором были сделаны следующие выводы: 1) община оказывала наибольшее воздействие на повседневную жизнь крестьянства, которое предпочитало через неё решать свои насущные проблемы; 2) к Советам крестьяне относились индифферентно, в плане управления низовые Советы «остались не у дел»³³.

В последнее время Кировские историки стали больше уделять внимание социальной психологии крестьянства, реакции его на события, явления, в том числе политику государства³⁴. В.А. Бердинских на основе воспоминаний очевидцев восстанавливает картину крестьянской жизни 1920-х гг., в том числе особенности проявления общинных традиций (деятельность схода, деревенский самосуд)³⁵.

Довольно пристальное внимание влиянию крестьянской общины на процессы, протекавшие в Вятской губернии в период 1917–1920-х гг., уделяет в своих последних работах В.И. Бакулин. Исследователь делает акцент на своеобразной роли «мира» в развитии анархии в ходе революции 1917 г. Кроме того, он приходит к заключению о сдерживающей роли общинных отношений, господствующих в вятской деревне, в развитии

³⁰ См.: Касимова Э.Г. Основные занятия населения Вятской губернии // Энциклопедия земли Вятской. Т.8. Этнография, фольклор. – Киров, 1998. – С.140-181; Мусихин В.Е. Вятские крестьяне в начале XX века // Там же. Т.4. История. – С.282-297; Стефанова И.И. Эпоха великих реформ и вятчане // Там же. – С.183-204.

³¹ Костина Е.Г. Реализация столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии (1906–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Киров, 2005.

³² См.: Анучина М.В. Особенности проведения продналоговой кампании 1922-23 года в Вятской губернии // Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы республиканской IV научно-практической конференции – Киров, 1999. – С.116-120; Загвоздкин Г.Г. Под знаком серпа и молота // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. История. – Киров, 1995. – С.359-378; Кашина В.М. Социальный конфликт в вятской деревне в период перехода к нэпу // Библиотечное краеведение в развитии провинциальной культуры России. – Киров, 2004. – С.244-251; Столбова Н.В. Экономическое развитие Вятской губернии в 1921–1926 гг. // Вятская земля и актуальные проблемы отечественной истории XIX–XX вв. – Киров, 1999. – С.75-81; Чемоданов И.В. Вятское крестьянство в период НЭПа (1921–1929 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Сыктывкар, 2005 и др.

³³ Леконцев О.Н. Реформы Советов в 1921–1927 годах. (На материалах Вотской автономной области и Вятской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1995.

³⁴ См.: Кашина В.М. Первые аграрные мероприятия большевиков (глазами очевидцев) // Энциклопедия земли Вятской. Т.3. Кн.2 Крестьянство. XX век. – Киров, 2005. – С.54-69.

³⁵ Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. – М., 2001; он же. Россия и русские (Крестьянская цивилизация в воспоминаниях очевидцев). – Киров, 1994.

сельскохозяйственного производства на базе товарно-денежных отношений в годы нэпа³⁶.

Но в целом изучение интересующей нас темы до настоящего времени носило фрагментарный характер и специальные, солидные исследования по истории общинной организации вятского крестьянства в советской доколхозной деревне отсутствуют.

Отталкиваясь от анализа научной литературы, можно следующим образом сформулировать цель и задачи проводимого диссертационного исследования. **Цель:** проследить эволюцию вятской общинной организации в советской доколхозной деревне как исторического феномена в политико-правовом, социально-экономическом и социокультурном аспектах.

Для успешного достижения поставленной цели были выделены следующие **задачи:**

- проследить, как изменялось отношение советского государства к общине и, соответственно, как менялся статус общинной организации в советском законодательстве и в реальной жизни Вятского региона в течение изучаемого периода;
- изучить реакцию общинного крестьянства на политику государства;
- определить роль крестьянской общины в социально-экономических и политических модернизационных процессах, протекавших в советском обществе; проанализировать взаимоотношения вятской крестьянской общины с новыми органами местного управления (сельсоветами);
- исследовать эволюцию структуры и функций общины и факторы, влиявшие на изменения внутриобщинных отношений; выявить региональные особенности.

Источниковую базу исследования составляет комплекс опубликованных и неопубликованных источников, который можно разделить на группы: 1) законодательные акты и акты исполнительных органов власти; 2) партийные документы; 3) материалы официального делопроизводства; 4) справочные и статистические материалы; 5) периодическая печать и публицистика; 6) документы личного происхождения.

К опубликованным источникам относятся сборники законодательных актов, а также партийных документов, в которых отражалось отношение государства к общине и его изменения на протяжении изучаемого периода. Наиболее содержательными являются «Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954 гг.» (М., 1954), в который вошли основные нормативные акты, регулирующие земельно-хозяйственные отношения в советской доколхозной деревне, многотомное продолжающееся

³⁶ Бакулин В.И. Драма в двух актах. Вятская губерния в 1917–1918 гг. – Киров, 2008; он же. Решение продовольственной проблемы в Вятской губернии на завершающем этапе «военного коммунизма» // Бакулин В.И. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке: Сб. научных статей. – Киров, 2006. – С.115-127; он же. Стихийно-анархический компонент событий 1917 г. в Вятской губернии // Там же. – С.45-58 и др.

издание «Декреты советской власти»³⁷. В процессе исследования использовались материалы и других сборников³⁸, а также официальных периодических изданий: «Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР» и «Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР». В работе использовались партийные документы (протоколы, постановления, резолюции съездов, пленумов и т.д.)³⁹.

Особо стоит выделить появившийся не так давно и имеющий большую научную ценность сборник документов и материалов, рисующих общую картину жизни деревни первых 20 лет советской власти, – «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939». Первые два тома содержат сведения, относящиеся к исследуемому в данной работе периоду⁴⁰.

Важным источником информации о реализации государственной политики в отношении общины, о земельных отношениях и землеустройстве, о крестьянской взаимопомощи и т.д. являются опубликованные документы местных органов власти, прежде всего губернских съездов Советов, губисполкома, различных совещаний и т.д.⁴¹

Жизнедеятельность общины и первый опыт её взаимодействия с местными органами власти в первые послеоктябрьские годы отражены в документах сборника «Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии» (Киров, 1957).

Ещё одним важным источником, содержащим ценную информацию о различных сферах жизнедеятельности крестьянской общины и её взаимоотношениях с окружающим миром, является периодическая печать, которая оперативно реагировала на происходящие события, однако в виду своего официального характера не была лишена политизированности. Среди местных газет стоит выделить «Вятскую правду», «Деревенский коммунист», «Вятскую деревню», среди журналов – «Бюллетень Вятского губисполкома»,

³⁷ Декреты советской власти. Т. I–XVII. – М., 1957–2006.

³⁸ Земельный кодекс РСФСР. Со всеми дополнительными узаконениями, инструкциями и разъяснениями ведомств, определениями Особой Коллегии Высшего Контроля по земельным спорам и Верховного Суда, изменениями и дополнениями для автономных республик и областей и прочими официальными материалами, опубликованными по 15 марта 1928 года / Сост. Е. Рудин. – Л., 1928; Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937) / Под общ. ред. акад. А.Я. Вышинского. – М., 1940; Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 1. 1917–1928. – М., 1959.

³⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 15 т. – М., 1983–1989; Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет. – М., 1962.

⁴⁰ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Документы и материалы. Т. 1. 1918–1922 гг.; Т. 2. 1923–1929 гг. – М., 2000.

⁴¹ 2-й Вятский губернский съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Апрель 1918 г. – Вятка, 1918; Отчёт Вятского губернского исполнительного комитета VIII губернскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – Вятка, 1921; Отчёт Вятского губернского исполнительного комитета IX губернскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Октябрь 1921 г. – октябрь 1922 г. Т. 1. – Вятка, 1922; Резолюции губернского совещания инструкторов уездных исполкомов и председателей волысполкомов при Вятском губернском исполнительном комитете (17-22 мая 1926 г.). – Вятка, 1926; Резолюции и постановления 7-го Вятского губернского съезда Советов раб., кр. и красн. деп. – Вятка, 1921; Сборник обязательных постановлений президиума Вятского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – Вятка, 1926 и др.

«Известия Вятского губкома РКП(б)», «Бюллетень Вятского губкома РКП(б)–ВКП(б)», «Спутник большевика», «Вятскую жизнь», «Вятско-Ветлужский край», в которых, опубликованы статьи местных чиновников, партийных деятелей, учёных, пытавшихся осмыслить процессы, происходившие в деревне, а также содержатся документы личного происхождения, статистического характера и т.д.

Несмотря на наличие опубликованных источников, основу исследования составили неопубликованные архивные материалы. При работе над темой нами использовались фонды четырёх архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Кировской области (ГАКО) и Государственного архива социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Всего 24 фонда.

Обширный и разнообразный по характеру и содержанию материал находится в хранящихся в ГАКО фондах исполнительных комитетов Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов: губернского (Ф.Р-875), уездных (Ф.Р-879, Р-881, Р-882, Р-1374), волостных (Ф.Р-950, Р-986, Р-2537, Р-3796), окружных (Ф.Р-877, Р-1257). В документах данных фондов нашли отражение все стороны жизни крестьянской общины Вятского края, прежде всего, её взаимоотношения с местными органами власти, особенно сельсоветами. Самым информативным в этом отношении видом документов являются материалы обследований низовых советских органов. Особо отметим богатейшие фонды волисполкомов, до сих пор почти не используемые исследователями. Они часто содержат подробности и нюансы, которые не доходили в обобщённых сводках, отчётах до вышестоящих уровней.

Документы земельных органов (ГАКО, Ф.Р-1062, Р-1063, Р-1066, Р-1068, Р-3772) дают представление о роли, которую сыграла община в разрешении земельно-хозяйственных вопросов в период революции и Гражданской войны, о дальнейшем её функционировании как союза землепользователей, об изменениях в землепользовании губернии и т.д. Они содержат немало статистических материалов. Для полноты последних мы обратились к фонду губернского статистического бюро (статотдела) (ГАКО, Ф.Р-1053).

Среди всей массы архивных источников следует выделить документы общинного происхождения: приговоры, протоколы сельских сходов, собраний уполномоченных деревень. За некоторым внешним, формальным различием скрываются подлинное общинное видение тех или иных проблем деревни, мирские традиции и ценности, принципы функционирования и повседневная жизнь сельского общества.

Нами использованы документы местных партийных органов, главным образом по работе в деревне, хранящиеся в ГАСПИКО (Ф.1.) В этом же фонде сохранились уникальные по достоверности и охвату явлений, хотя и пронизанные идеологическими установками источники – информсводки ОГПУ.

Материалы центральных архивов позволяют уточнить местные данные, а также сопоставить последние с общегосударственной ситуацией. Фонд Наркомата земледелия РСФСР (РГАЭ, Ф.478) содержит отчёты, обследования земельных органов, обобщённые земельные сводки, материалы работы различных совещаний, комиссий по вопросам землепользования, работы земобществ и их взаимоотношений с сельсоветами. Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР во второй половине 1920-х гг. проводил исследования деятельности крестьянских сходов, земельных обществ в контексте проблемы их взаимодействия с низовыми Советами, материалы которых сохранились в его фонде (ГАРФ, Ф.А-406).

Методология исследования основывается на исходных принципах исторической науки: объективность, историзм, системность.

Методологической основой диссертации стала теория модернизации, ядром которой является принципиальное признание наличия глобальных процессов фундаментального характера в истории и определённой направленности развития человечества в виде перехода от традиционного общества к индустриальному. Последний оказывает воздействие (хотя и в разной степени) на каждый социальный, политический, экономический институт, каждую группу населения. В исследовании предпринята попытка выявить роль общины как института традиционного общества, внутреннюю логику её развития в условиях специфической модернизации 1920-х гг.

Советская власть выстраивала свои взаимоотношения с крестьянством и его организациями, опираясь на марксистскую теорию. Данное обстоятельство привело нас к использованию формационного подхода.

В диссертационном исследовании также нашли применение теоретические достижения современного крестьяноведения. Прежде всего, мы обратились к концепции «моральной экономики» и её составной части «этике выживания». Они позволяют понять особое отношение крестьянства к устоявшимся принципам, социальным формам жизни и хозяйства, большинство из которых воплощалось как раз в общинной организации.

Для решения исследовательских задач и раскрытия сути изучаемых явлений помимо общенаучных методов (анализ, синтез, описание, сравнение, дедукция, индукция, системный анализ и др.) в работе использовались специально-исторические методы. Историко-сравнительный метод помог выявить особенности, а также общие черты развития крестьянской общины Вятской губернии в указанный период относительно предыдущей исторической эпохи и других регионов страны. Проблемно-хронологический метод дал возможность в хронологической последовательности раскрыть свойства, функции, изменения исследуемого объекта, выделить качественно отличные периоды. Историко-системный метод позволил посмотреть на крестьянскую общину Вятской губернии как на сложную систему, рассмотреть отдельные компоненты и взаимосвязи между ними, а также взаимодействие с другими системами, в первую очередь, государством. Нашли своё применение и статистические приёмы исследования – при составлении таблиц и диаграммы, при других подсчётах имеющихся

статистических данных, на основе которых выявлялись те или иные количественные и качественные стороны, определялись тенденции и закономерности функционирования крестьянского «мира».

Научная новизна диссертации заключается в самой постановке проблемы ввиду того, что изучение общинной организации вятского крестьянства ещё не являлось объектом специального исследования. В работе, с учётом новых научных подходов, отражены различные стороны управленческой, хозяйственной и социокультурной деятельности общины в указанный период. Научному анализу подверглись такие малоизученные аспекты проблемы, как роль общины в формировании системы низовых органов советской власти на этапе её становления, отношение общинного крестьянства к первым попыткам социалистического переустройства сельского хозяйства, взаимное влияние общины и советского государства в лице центральных и местных органов на деятельность друг друга, механизмы поддержания принципов жизнедеятельности крестьянского «мира», реакция общины на изменение политики советского государства после принятия курса на массовую коллективизацию. В научный оборот вводится значительное количество документального материала.

Практическая значимость. Материалы представленного исследования могут быть использованы в научных, учебных и практических целях. Изучение принципов деятельности, структуры, функций, крестьянской общины, характера её взаимодействия с государственной властью на завершающем этапе её существования в региональном аспекте вносит определённый вклад в разработку аграрной истории России в целом, истории региона в частности. Опыт, представленный в данной работе, может быть полезен при выработке современных политических решений в области социальных отношений, аграрной сфере. Результаты проведённого исследования могут быть использованы при разработке вузовских курсов и спецкурсов по истории российского крестьянства, Вятского региона.

Апробация результатов исследования. Полученные результаты работы обсуждались на заседаниях кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета. Основные положения диссертации были изложены автором на региональных и межрегиональных (Казань, 2007 г.; Вологда, 2008 г.; Киров, 2008 г.), всероссийских (Киров, 2006 г.; Шадринск, 2007 г.; Киров, 2007 г.) и международных (Челябинск, 2007 г.; Пенза, 2007 г.) конференциях и в 11 публикациях.

Положения, выносимые на защиту.

1. Большевистское руководство, советские органы власти были вынуждены считаться с крестьянской общиной как с реальной силой и опираться на неё в решении текущих экономических и других задач. Действия государства в отношении общины имели два важнейших направления, нашедших отражение в законодательстве. С одной стороны, стремление приспособить её к процессу социалистического строительства (и модернизационному вектору развития), а с другой – вытеснение её из социально значимых сфер жизни общества. Соотношение этих двух линий,

преобладание той или другой позволяют выделить ряд этапов эволюции государственной политики на протяжении исследуемого периода: 1) 1917–1921 гг.; 2) 1922–1926 гг. и 3) 1927–1930 гг.

2. Реакция вятского общинного крестьянства на политику советского государства на всех этапах определялась соответствием последней общинным нормам, идеалам, морали. Именно эта реакция не позволяла в полной мере реализовывать многие государственные мероприятия.

3. Включение вятской крестьянской общины в модернизационные процессы было двойственным и противоречивым.

4. Факторами, влиявшими на жизнедеятельность общины в исследуемый период, являлись, помимо политики советского государства, развитие товарно-денежных отношений в годы нэпа, модернизационные процессы в социокультурной сфере, классовые установки государственных и партийных органов.

5. Несмотря на действие указанных факторов, общинная организация вятского крестьянства в изучаемый период не претерпела принципиальных изменений, продолжая выполнять управленческие, земельно-хозяйственные, социально-культурные функции. Вятское крестьянство отличалось значительной, по сравнению с целым рядом регионов страны, приверженностью традиционному институту общежития.

6. Крестьянская община Вятской губернии сыграла активную роль в формировании системы низовых Советов на этапе её становления, причём несмотря на усилия центральных и местных органов власти, мирское самоуправление не только не исчезло, но и сохранило свои ведущие позиции в вятской деревне, в силу чего не приходится говорить о двоевластии общины и сельсовета в 1920-е гг.

Структура диссертации. Предмет, цели и задачи исследования определили структуру работы. Она состоит из введения, трёх глав, включающих семь параграфов, заключения, списка источников и литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы, определены объект и предмет изучения, хронологические и территориальные рамки исследования, раскрыта степень изученности темы, сформулированы цель и задачи, дана характеристика методологической и источниковой базы, раскрываются новизна и практическая значимость диссертационной работы.

Первая глава «Крестьянская община в годы революции и Гражданской войны» состоит из двух параграфов. В первом параграфе **«Община и новая власть: первый опыт взаимодействия»** рассматриваются основания и характер политики советского государства в отношении крестьянской общины и реакция на неё общинного крестьянства Вятской губернии. В параграфе дана характеристика структуры общинных организаций крестьянства, имевшая ступенчатый характер, а также отмечена

устойчивость вятской общины, исходя из крайне незначительного процента выхода из неё хозяйств в годы столыпинской реформы.

Являвшиеся частью революционных процессов в российском обществе процессы распада системы государственного управления, нарастания анархии привели к оживлению деятельности общины. Противодействуя этим тенденциям и руководствуясь своим видением исторической перспективы, власть попыталась опереться на новую социально-экономическую базу в деревне: коммуны, артели, ТОЗы, форсировать переход к социалистическим формам организации сельского хозяйства. Отношение вятского крестьянства к коллективным хозяйствам, особенно на первых порах, было недоверчивым, а порой и враждебным, в результате чего на 1 августа 1921 г. в Вятской губернии насчитывалось всего лишь 38 коммун, 187 артелей и 33 товарищества с общей площадью 16499 дес.

В сфере управления большевики делали ставку на Советы, формирование сети низовых Советов шло при непосредственном участии общины. Система Советов строилась с учётом территориального размещения общин, а нередко полностью с ним совпадала. На данном этапе низовые Советы по содержанию и характеру деятельности не отличались от общинных органов управления, поэтому очень трудно определить, где заканчивается община и начинается Совет.

В результате государство вынуждено было в решении своих хозяйственных и продовольственных вопросов опираться на крестьянский «мир», причём при проведении продразвёрстки на сходах верх брали уравнивательные тенденции. В первые послереволюционные годы крестьянские общины губернии серьёзным образом корректировали и другие мероприятия советской власти. Так, классовая направленность чрезвычайного налога сглаживалась благодаря применению традиционных мирских принципов раскладки по «душам», по десятинам и наделам, по дворам, по едокам и т.д. Более того, общины нередко отказывались от его уплаты.

Во втором параграфе показывается «Роль “мира” в разрешении земельно-хозяйственных проблем». Рассматриваются особенности условий ведения сельского хозяйства, которые определили характер аграрной революции в губернии.

В соответствии с первыми законодательными актами новой власти, основными получателями немногочисленных помещичьих, церковных, банковских, удельных и прочих «нетрудовых» земель губернии стали крестьянские общины. Однако это не увеличило существенно размер крестьянских наделов. Аграрная революция в вятской деревне проявилась и в перераспределении земли между крестьянами: ещё до октября 1917 г. начался процесс наступления на выделившихся из общины хуторян и отрубников, их участки включались в общий передел. Тем не менее, значительного сокращения численности отрубов и хуторов не произошло (с 4844 в 1916 г. до 4029 в 1923 г.).

Главным проявлением аграрной революции в губернии, были переделы, которые происходили повсеместно и часто носили коренной характер. Перераспределение земли внутри общин нередко выливалось в острую борьбу между многоземельными и малоземельными крестьянами, а также в отказы общин пришлому населению, «отсутствующим» хозяевам в моральном праве пользоваться землёй. Господствовал принцип наделения землёй по наличным едокам, отвечающий самым радикальным уравнивательным представлениям. Его реализация консервировала крестьянское хозяйство на натурально-потребительском уровне. Именно стремление к максимальной уравнительности привело к массовым, часто ежегодным, переделам. Попытки центральных и местных органов власти ограничить это явление успехом не увенчались.

В этот же период окончились неудачей попытки ликвидировать, в том числе принудительно, такие недостатки общинного землепользования, как крайняя чересполосность (межволостная, межселенная и внутринадельная), а также дальнотемелье и длиннотемелье (преимущественно в южных уездах).

В период 1917–1921 гг. община, помимо проведения переделов, де-факто сохраняла за собой широкий круг функций в земельно-хозяйственной сфере: принимала новых членов, наделяла землей, решала вопросы землеустройства и севооборота, распоряжалась землями общего фонда, выморочным имуществом хозяйств, распоряжалась жилыми и хозяйственными постройками и т.д.

Таким образом, деятельность общины в значительной степени определяла жизнь деревни и страны в целом в 1917–1921 г. Практически ни одна проблема не могла найти своего разрешения без участия «мира», что сильно сказалось на взаимодействии молодого советского государства с общинной организацией. В политике государственных органов явно обозначились две тенденции. Первая – стремление государства опереться на новые органы в деревне и в какой-то мере нейтрализовать общину, вытеснить её из определённых сфер, вторая – использовать «мир» и его традиции особенно в ходе решения продовольственных и хозяйственных вопросов. Другое дело, что вятская крестьянская община неохотно выполняла решения власти, а порой и враждебно относилась к нововведениям.

Во второй главе «От сельского к земельному обществу: новый статус и его реальное воплощение (1922–1926 гг.)» анализируется функционирование традиционного общинного института в период выбора государством дальнейших путей развития и одновременно нормализации отношений между властью и крестьянством.

В первом параграфе **«Земельно-хозяйственные функции общины на новом этапе»** рассматривается соответствующая сфера деятельности крестьянской общины. Начало периода связано с частичным признанием ведущей роли общины в жизни деревни, преимущественно в экономической сфере, что отразилось в серии законодательных актов, и главным образом в Земельном кодексе 1922 г. Новый правовой статус общины в виде

земельного общества свидетельствовал о стремлении государства ограничить сферу деятельности крестьянской общины только земельно-хозяйственными функциями, отчленив их от управленческих, социальных, культурно-бытовых.

Земельными обществами в Вятской губернии являлись отдельные селения. На протяжении всех 1920-х гг. общинное землепользование абсолютно преобладало (более 98%) над остальными видами. При этом оно укрепилось за счёт возвращения земельным обществам национализированных общественных лесов и передачи в постоянное пользование части земель запасного фонда. С введением нэпа переделы земель продолжились, но их количество уменьшилось: большинство общин теперь предпочитало длительные временные промежутки между ними. Уравнительные тенденции при этом («едоцкий» принцип распределения, жеребьёвка) продолжали доминировать, что не гарантировало от возникновения конфликтов. Земельные отношения внутри общин оставались порой неурегулированными, во многих из них сохранялась неравномерность, иногда значительная, землепользования между отдельными дворами.

В деятельности вятской общины данного периода значительное место занимали вопросы землеустройства и введения улучшенных способов земледелия, особенно многополья. Последний процесс шёл гораздо активнее, чем до революции, именно благодаря участию в нём общины. К 1927 г. в среднем по губернии многопольными севооборотами были охвачены 12,7% пашни. В 1920-е гг. постепенно распространялись и другие агрикультурные улучшения, как ранний пар, рядовой посев, сортирование семян, применение минеральных удобрений, особенно в селениях перешедших на многополье.

Сложность внедрения в крестьянское землепользование и земледелие новаций, улучшений заключалась помимо объективных трудностей в «этике выживания», органически присущей крестьянскому мировоззрению. Крестьянин в любом случае предпочитал не рисковать и придерживаться проверенных методов. На деле это проявлялось в отсутствии единства, спорах, конфликтах внутри «мира», тормозящих инновации.

И всё же вятские крестьяне продолжали прочно держаться за общину. Ни участковое, ни коллективное землепользование в 1922–1926 гг. не нашли широкого применения и поддержки в Вятской губернии.

Во втором параграфе **«Социальные и культурно-бытовые функции “мира”: “новое в старом и старое в новом”»** рассматривается деятельность крестьянской общины в социокультурной сфере жизни деревни.

В изучаемый период одной из основных форм проявления функции социальной защиты являлась общинная взаимопомощь. Самым распространенным видом мирской поддержки были помочи, которые были особенно востребованы в условиях хозяйственной разрухи и войны. В 1920-е гг. вновь проявили себя наблюдавшиеся до революции тенденции к сближению помочей с отработками и угасанию традиций взаимопомощи в целом.

Организуемые властями органы соцзащиты (в частности комитеты крестьянской общественной взаимопомощи) не пользовались поддержкой и доверием вятских крестьян, которые считали их попросту ненужными. Поэтому процесс формирования сети ККОВ в губернии затянулся до середины 1920-х гг., многие комитеты существовали на бумаге и бездействовали, размер оказываемой помощи был незначительным. Их положение не изменилось и после реорганизации в общества взаимопомощи и возложения на них задачи содействия коллективизации деревни.

Социальная защита общины включала в себя и защиту от неблагоприятных факторов, дестабилизирующих жизнь «мира». Формой традиционного противодействия уголовным преступлениям и на новом этапе был крестьянский самосуд. Все описанные случаи самочинных расправ с преступниками имели схожий сценарий. Они совершались всем «миром» и заключались в процедурах «вождения» и «срамления». Самосуд являлся способом поддержания солидарности общинников и наглядно демонстрировал власть общины.

Серьёзной проблемой российской деревни периода нэпа было пьянство и массовое самогонварение. Община пыталась бороться с данными пороками, но одновременно продолжала использовать алкоголь в качестве механизма сплочения и справедливого распределения общих доходов.

В круг социально-культурных функций общинной организации входили, помимо названных, поддержание обычно-правовых норм жизни и нравственности, регулирование обрядовой стороны жизни деревни, благоустройство селений и т.д. Особенно заметна роль общины в развитии сети культурно-просветительских учреждений в деревне, многие из которых строились и содержались за счёт мирских средств.

Община поддерживала патриархальный характер вятской деревни, авторитет главы хозяйства в семье. Это выражалось и в том, что все вопросы разрешались на сходах, состоявших преимущественно из домохозяев, хотя эпоха внесла свои коррективы. Возросло число женщин-домохозяев, состав сходов омолодился. Последнее в немалой степени обуславливало наличие острого конфликта поколений в деревне. Молодёжь привносила в деревню новую систему ценностей. «Старики», чей авторитет был ещё высок, были носителями «общинного архетипа» сознания, поэтому противились нововведениям.

Демографический конфликт тесным образом был связан с конфликтом на социально-экономической почве. Все конфронтационные линии сходились воедино на деревенских сходах, порождая бесконечные споры, ругань, доходящие до рукоприкладства. Тем не менее, преувеличивать расслоение и размежевание общинной деревни в 1922–1926 гг. не стоит. При решении многих проблем она выступала как единое целое. Стремление к единогласию, солидарности, приоритет общих интересов над частными по-прежнему являлись для общинников основополагающими принципами. В целом в социокультурной сфере функционирования общины изменения не

носили ещё принципиального характера и проявлялись, скорее, как тенденции.

Третий параграф «Община и сельсовет: характер взаимоотношений» посвящён управленческой деятельности общины и её взаимоотношениям с низовыми органами власти на селе.

В Вятской губернии к началу нэпа полного размежевания между общиной и сельсоветом не произошло. Сельские Советы не только территориально совпадали с прежними сельскими обществами, но и зачастую играли ту же роль, что и институт выборных сельских старост в дореволюционной России. Одновременно продолжали функционировать деревенские общины, чья деятельность формально никем не регулировалась, но именно они решали насущные проблемы крестьян. В начале 1920-х гг. сельсоветы не контролировали деятельность общинной деревни, а, скорее, функционировали в том объёме и тех рамках, в которых позволяло наличие мирской организации. Это заставило государство обратить особое внимание на положение низовых органов власти.

В рамках кампании по «оживлению» Советов, призванной превратить сельсоветы в подлинные органы власти и управления, был проведён ряд мер, направленных на размежевание сельсовета и общины, одновременно учитывающих мирские традиции. Был создан институт сельских исполнителей, чтобы ликвидировать отрыв сельсоветов от населения, добиться чего, по сути, не удалось. По роду деятельности сельисполнители напоминали десятников, хотя замены второго первым не произошло.

Составной частью курса «оживления» было изменение территориального размещения сельсоветов. Произведённые в 1924 г. укрупнение и в 1925 г. разукрупнение сельсоветов имели следствием то, что последние перестали совпадать территориально и отождествляться в глазах населения с прежними сельскими обществами. Община как социальный организм фактически осталась только на уровне отдельного селения, являясь одновременно земельным обществом.

Однако неудачной была попытка разделить общинный сход на сельский и земельный, дабы сделать первый подконтрольным низовым Советам. Многочисленные материалы проверок, обследований показывают, что никакого разделения не произошло. Сход домохозяев продолжал решать самый широкий круг вопросов, включая земельные, административные. Соответственно основным содержанием деятельности сельсоветов оставались сбор налогов и различных платежей и выполнение распоряжений вышестоящих органов. За редким исключением, руководства работой сходов со стороны сельсоветов не наблюдалось, что в определённом смысле было закономерно. В отличие от общины сельсовет не обладал финансовой самостоятельностью, поэтому нередко зависел от мирских решений.

Третья глава «Община в условиях подготовки и начального этапа коллективизации (1927–1930 гг.)» посвящена завершающему периоду существования общины. В первом параграфе **«От подчинения к ликвидации земельного общества: шаги центральных и местных**

властей» анализируются важнейшие изменения государственной политики в отношении общины.

В 1927 г. был принят ряд партийных решений и нормативных актов, продемонстрировавших изменение государственной политики по отношению к общине. В первую очередь, на государственном уровне законодательно был разрешён вопрос о разделении сельского и земельного схода и подчинении первого сельсовету. Однако обследования низового советского аппарата и работы сельсходов, проводившиеся в 1927–1928 гг. в Вятской губернии, свидетельствовали о том, что по-прежнему различия между сельским сходом и земобществом не существовало, в действительности подавляющее большинство сельсоветов совершенно не руководило работой сходов, которые, как и до этого созывались самим населением, представляли собой традиционные собрания домохозяев.

В это же время усиление классовой линии привело к запрету на выбор в качестве уполномоченных земельных обществ, председателей и секретарей земельных сходов лиц, лишённых избирательного права.

В Вятской губернии новый этап начался с постановки принципиального вопроса о необходимости существования земельного общества на совещании делегатов XIII губернского съезда Советов (апрель 1927 г.) по вопросу о формах землепользования и землеустройства. Хотя мнения участников несколько разошлись, но в целом линия на сохранение общины при одновременном её «усовершенствовании» с целью перехода к коллективному хозяйству не вызывала больших сомнений.

В дальнейшем отношения между государством и крестьянской общиной строились на основе курса, принятого на XV съезде ВКП(б), на котором, во-первых, была дана установка на ограничение и даже запрет участкового землеустройства, во-вторых, принципиально решён вопрос о подчинении земобществ сельсоветам. В Вятской губернии единоличное землеустройство проводилось в 1927, 1928 гг., но составляло мизерный процент (от всей землеустроенной площади 0,26 и 0,12% соответственно). «Расхуторизация» вятской деревни осуществлялась уже в процессе массовой коллективизации. Второе направление нашло отражение в разработке губземуправлением проекта постановления о подчинении земобществ сельсоветам.

В практическую плоскость вопрос о реальном подчинении перешёл в конце 1928 г., когда ЦИК СССР принял «Общие начала землепользования и землеустройства», которые формально не изменили статус земобщества по сравнению с ЗК 1922 г., но в области регулирования землепользования и землеустройства отныне община должна была подчиняться сельсовету. В финансовом отношении её зависимость от сельсовета обеспечивалась передачей средств самообложения в распоряжение последнего.

В этот же период, в связи с усилением классовой направленности политики, изменения вносились в принципы землеустройства, создавая преимущества для бедноты и колхозов, при этом самостоятельность общин также урезалась, нарушались принципы её деятельности.

Несмотря на льготы и преимущества для коллективных хозяйств, темпы их образования оставались довольно низкими (в 1927 г. – 0,25% всех крестьянских хозяйств, 1928 г. – 1,23%, на 1 мая 1929 г. – 3,5%). Крестьянские общины не стали готовыми ячейками для коллективизации, так как формирование колхозов шло в основном путём выдела. В Вятской губернии крестьяне стали вступать в колхозы целыми обществами-селениями только в начале 1930 г., когда массовая коллективизация уже приобрела значительный размах и насильственный характер. Дальнейший путь коллективизации лежал через ликвидацию общинной организации крестьянства.

Второй параграф «Реакция общинного крестьянства на политику государства» рассматривает, каким образом изменения политики влияли на внутреннюю жизнь общины, как реагировало крестьянство на вызовы извне.

Жизнь деревни конца 1920-х гг. была серьёзно взбудоражена проведением многочисленных хозяйственно-политических кампаний, в них община играла не последнюю роль. Особенно наглядно это демонстрируют кампании по самообложению. Крестьянство вполне осознавало, что из деревни пытаются достать дополнительные средства, поэтому, хотя и пассивно сопротивлялось: не посещало сходы, чем срывало их, отказывалось принять спущенные сверху цели сбора средств, понижало проценты, не соблюдало принципы раскладки, применяя уравнительность, крайне медленно вносило средства в кассы. Аналогично выглядела ситуация при организации запасных семенных фондов. Через общину органы власти пытались добиться увеличения хлебозаготовок, посевных площадей, ремонта дорог. Хозяйственно-политические кампании конца 1920-х гг. имели ограниченный эффект, зато со всей ясностью показали, что крестьянское «общество» вполне способно оказывать, хотя порой и неявное, но организованное сопротивление.

Тот же характер носило сопротивление выделу земли для колхозов. С развитием колхозного движения в 1929 г., отношения между общинниками и колхозами обострились, было отмечено немало случаев порчи имущества, скота колхозов общинниками.

В это же время, в ходе подготовки к массовой коллективизации государство пыталось использовать общину в производственных целях с помощью введения контрактации посевов и агроминимума. В Вятской губернии степень их применения была невысокой.

Несмотря на введение соответствующих законодательных норм, нельзя сказать, что за период 1927–1929 гг. произошли принципиальные изменения в характере отношений сельсоветов и мирских организаций, хотя несколько изменилось их содержание, так как на сельсоветы легла основная тяжесть по проведению всех хозяйственно-политических кампаний.

Нельзя не заметить изменений, происходящих внутри общины, связанных, прежде всего, с обострением борьбы между различными группировками, особенно сторонниками и противниками нововведений. Тем не менее, солидарность общины по-прежнему была реальностью, что и

проявилось в первую очередь в сопротивлении целому ряду государственных мер.

Таким образом, период 1927–1930 гг. стал завершающим как в развитии общинной организации крестьянства в России в советский период, так и, в целом, её многовековой истории. На этом этапе советское государство чётко провозгласило курс на коренную трансформацию сельского хозяйства путём его коллективизации. Как институт традиционного общества, каким она оставалась до конца своего существования, община не вписывалась в этот процесс.

В заключении подведены итоги исследования и сформулированы общие выводы.

Анализ конкретного исторического материала позволяет выявить явное доминирование традиционных общинных начал в ментальности вятского крестьянства исследуемого периода. Значение общины возросло в условиях революции 1917 г., анархического распада общества и государства. Советская власть была вынуждена считаться с нею и опираться на неё в решении текущих задач.

На примере Вятской губернии видно, что политика в отношении общины, прошла ряд этапов. В период 1917–1921 гг. государство использовало общинные механизмы для проведения аграрной революции, разрешения острых хозяйственных и продовольственных вопросов. Одновременно большевики пытались создать собственную базу в деревне в лице коллективных хозяйств и Советов. Противодействие общины, которая определённно не желала поступаться завоёванной автономией, не позволило реализовать всё из вышеназванного.

Отчасти признав за общиной ведущую роль в жизни деревни, на втором этапе (1922–1926 гг.) государство вместе с тем попыталось ограничить сферу её деятельности земельно-хозяйственными функциями, а также на её основе интенсифицировать сельское хозяйство. По большому счёту, попытки эти успехом не увенчались; крестьянский «мир» продолжал доминировать во всех сферах деревенской жизни.

На третьем этапе, с 1927 г. наблюдается более радикальное наступление власти на общину (формально-юридическое подчинение её сельсовету, ужесточение классовой линии, нажим в процессе проведения хозяйственно-политических кампаний). Реакция общинного крестьянства была аналогична той, что наблюдалась в первый период. Полученный результат не удовлетворил руководство страны, что и привело к ликвидации общины в условиях массовой коллективизации деревни.

На фоне общероссийских тенденций в жизнедеятельности вятской общины, можно выделить ряд региональных особенностей:

- аграрная революция в Вятской губернии в большей степени вылилась в разрешении проблем внутриобщинных земельных отношений, а не в борьбу за землю с помещиками, а также отрубниками и хуторянами по причине незначительного числа тех и других;

- даже на фоне общего для всей страны преобладания общинного землепользования, в Вятской губернии оно было абсолютно подавляющим;
- меньшими, по сравнению с губерниями промышленного центра и рядом других районов, были масштабы внедрения интенсивных приёмов хозяйствования;
- процесс размежевания общины и сельсовета в Вятской губернии проходил дольше и закончился позже (в середине 1920-х гг.), чем в других регионах.

В целом крестьянская община в нашей стране была обречена на исчезновение. Модернизация в любом варианте сопровождается раскрестьяниванием. Вместе с крестьянством в прошлое уходит и его социальная организация.

Основные положения диссертации изложены в публикациях:

Публикации в научных журналах, рекомендуемых ВАК

Вознесенская, Е.И. Общинная организация вятского крестьянства в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) [Текст] / Е.И. Вознесенская // Отечественная история. – 2008. – №1. 0,44 п.л.

Публикации в иных изданиях

1. Вознесенская, Е.И. Сельская община при переходе к нэпу: проблемы теории и практики (на материалах Вятской губернии) [Текст] / В.И. Бакулин, Е.И. Вознесенская // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2006. – №15. 0,9 п.л.

2. Вознесенская, Е.И. Крестьянская община как фактор формирования национального характера и менталитета русского народа [Текст] / Е.И. Вознесенская // Меценатство, благотворительность, предпринимательство и социальная политика государства (традиции и современность): Сб. материалов Всероссийской науч.-практ. конф. Т.1. – Киров: МФЮА и РУИ, 2006. 0,25 п.л.

3. Вознесенская, Е.И. Крестьянская община как элемент традиционного общества в условиях «социалистической» модернизации 1917–1920-х гг. [Текст] / Е.И. Вознесенская // Традиционные общества: неизвестное прошлое: Материалы III Международной науч.-практ. исторической конф. молодых исследователей, 11-12 апреля 2007 г. / гл. ред. П.Б. Уваров. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2007. 0,3 п.л.

4. Вознесенская, Е.И. Крестьянская община в советской доколхозной деревне: современная отечественная историография [Текст] / Е.И. Вознесенская // Тенденции и современное состояние истории, экономики и права: Сб. материалов всероссийской науч.-практ. конф. – Шадринск: Изд-во Шадринского гос. пед. ин-та, 2007. 0,26 п.л.

5. Вознесенская, Е.И. Крестьянское самоуправление в 1918–1920-е гг.: община и сельсовет (на материалах Вятской губернии) [Текст] / Е.И. Вознесенская // Земские учреждения: организация, деятельность, персоналии: Материалы науч.-практ. конф. [посвящ. 140-летию Вят. земства]

(Киров, 16-17 окт. 2007 г.). – Киров: Издательский дом «Герценка», 2007. 0,27 п.л.

6. Вознесенская, Е.И. Крестьянская община в годы нэпа [Текст] / Е.И. Вознесенская // Россия в мировом сообществе цивилизаций: история и современность: Сб. статей III Международной науч.-практ. конф. – Пенза: РИО ПГСХА, 2007. 0,18 п.л.

7. Вознесенская, Е.И. Крестьянская община и советская власть (1917–1922 гг.) (на материалах Вятской губернии) [Текст] / Е.И. Вознесенская // Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском государственном университете. Т.1. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008. 0,26 п.л.

8. Вознесенская, Е.И. Крестьянская община в советской доколхозной деревне: соотношение традиции и модернизации (на материалах Вятской губернии) [Текст] / Е.И. Вознесенская // Самобытная Вятка: история и культура: Сб. научных трудов / отв. ред. А.Г. Поляков. – Киров, 2008. 0,32 п.л.

9. Вознесенская, Е.И. Формирование системы низовых Советов в Вятской губернии в первые послеоктябрьские месяцы и участие в нём крестьянской общины [Текст] / Е.И. Вознесенская // Актуальные проблемы истории Вятско-Камского региона: материалы региональной науч. конф. [к 110-летию со дня рождения А.В. Эммаусского] / отв. ред. М.С. Судовиков. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. 0,22 п.л.

10. Вознесенская, Е.И. Социально-культурная деятельность крестьянской общины в 1920-е гг.: господство традиций [Текст] / Е.И. Вознесенская // Самобытная Вятка: семья, патриотизм, толерантность: сб. статей и материалов / отв. ред. А.Г. Поляков. – Киров, 2008. 0,38 п.л.

Подписано в печать 16.12.2008 г.
Формат 60×84/16.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 1,6
Тираж 100 экз.
Заказ № 1067.

Издательство Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26

Издательский центр Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674